

Между адмиралом и генералом

В Москве на Тверской открыли мемориальную доску выдающегося советского генетика академика Николая Турбина

Дом на Тверской, 9 вполне можно назвать домом–музеем: в нем жили многие выдающиеся люди нашей страны, сегодня смотрящие на нас с установленных здесь мемориальных досок. И вот этот пантеон украсила еще одна — в честь создателя Московского НИИ сельскохозяйственных биотехнологий, [Института генетики и цитологии НАН Беларуси](#) академика Николая Турбина.

Обозреватель «СОЮЗа» побеседовал с принимавшей участие в церемонии открытия мемориальной доски дочерью выдающегося ученого, поэтом и переводчиком Любовью Турбиной, много сделавшей для увековечения памяти отца.

— Любовь Николаевна, как возникла идея с памятной доской?

— Идеей был вдохновлен и высказал ее в прошлом году, на торжественном собрании в честь 100–летнего юбилея отца, академик РАСХН Виктор Степанович Шевелуха. Правда, когда мы принесли в московский департамент по культуре ходатайство от Академии сельскохозяйственных наук и НИИ биотехнологий, нам сказали, что на доме уже столько досок, что еще для одной просто не найти места. Но вовремя вспомнилось, что отец был еще академиком [НАН Беларуси](#), и доска может стать символом дружбы наших стран — это, думаю, стало решающим моментом в решении вопроса.

— На мемориальной доске нет привычного портрета...

— Мы не хотели портрета. В Минске, на стене здания [Института генетики и цитологии](#), уже есть доска с изображением отца — мы решили не повторяться, а лучше сосредоточиться на увековечении памяти о том, что отец сделал. Скульптор Игорь Новиков и архитектор Алексей Тихонов разместили на отведенной им плоскости, кроме имени и званий отца, поле, по которому идет трактор в окружении снопов пшеницы тритикале. Академик Турбин

очень много времени уделял выведению особо урожайных и морозоустойчивых сортов этого растения.

— Наверное, и он сам, человек скромный и думавший прежде всего о своем деле, был бы против увековеченного собственного лика...

— Да, к публичности и славе отец никогда не стремился. При том, что на его лекции в Минске в середине 50-х собирались не только студенты, но и артисты, писатели, много научной интеллигенции. Генетика, молекулярная биология, отстаивать которые требовало от отца немалого мужества, воспринимались тогда как дуновение свежего ветра перемен. Но, думаю, с тем, что на доске возносится не его личность, а важная для него тема, он в конце концов согласился бы.

— Тем более что в начале 90-х академик Турбин считал эту тему — тему продовольственной безопасности, важнейшей для страны...

— Папа активно обращался в эти годы к руководству, писал о том, как это важно для будущего государства — не прекращать исследовательские работы в сельском хозяйстве, но его тогда не слышали и сельскохозяйственную науку во многом запустили. И вот, наконец, в последние годы слова о продовольственной безопасности начали звучать из уст Президента России. И поэтому тот факт, что на доме среди изображений генералов, адмиралов, ученых-металлургов, между портретами поэта Роберта Рождественского и академика Ивана Артоболевского именно сегодня нашлось место и для маленького трактора между снопов пшеницы, кажется мне очень важным и символичным.

Андрей Васянин